

ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ И ОБЗОРЫ

УДК 340.13

Мемориальные законы как инструмент легитимации власти

А. А. Дорская¹, А. Ю. Дорский²

¹ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, 5

² Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Дорская, Александра А., Андрей Ю. Дорский. 2020. «Мемориальные законы как инструмент легитимации власти». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 223–238. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.116>

В статье показаны использование мемориальной тематики в нормативно-правовых актах разных эпох начиная с XVII столетия и выделение мемориальных законов как особого вида законов в конце XX в. Предлагается авторское определение мемориальных законов как особого вида законов, которые регулируют общественные отношения, складывающиеся в процессе сохранения или преодоления памяти о конкретных исторических событиях, формируют позитивное или негативное отношение к ним и содержат диспозитивные или императивные нормы относительно возможности трактовки фактов и явлений прошлого. Раскрываются причины актуализации мемориального законодательства с 1990-х гг. в силу переживания памяти о двух мировых войнах, распаде ряда государств, наметившегося межцивилизационного противостояния, сложившейся послевоенной системы мирового порядка, которая в настоящее время не устраивает целый ряд стран. Приводится типология мемориальных законов по субъекту права законодательной инициативы и по характеру закрепляемых норм. Показаны как виды, так и подвиды мемориальных законов. Статья содержит обзор и характеристику российских и зарубежных исследований, посвященных развитию и оценке мемориального законодательства. Особое внимание уделено анализу научных исследований в странах постсоветского пространства. Рассматриваются различные варианты использования мемориальных законов как инструмента легитимации власти: разрушение старого интеграционного пространства при распаде государств; построение нового единого политического, экономического, культурного пространства, которому могут мешать

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

события прошлого; слабость государственной власти, которая стремится оправдаться за счет событий прошлого; национальный подъем и т. д.

Ключевые слова: мемориальные законы, исторические события, социальные потрясения, коллективная память, мировой правопорядок, международные организации, нормы права.

1. Введение

Мемориальные законы представляют собой явление, способствующее непосредственной актуализации прошлого и «историзации» современности.

Определения мемориальных законов даются разные, по-разному решается и вопрос об их возникновении как особого вида законов. Согласно распространенной точке зрения, понятие мемориальных законов появилось в конце XX в., когда стали приниматься документы, четко определяющие отношение к тем или иным событиям прошлого и устанавливающие разные виды юридической ответственности за интерпретацию конкретных исторических фактов, отличную от общепринятой (Матусевич 2014, 116). И. Б. Орлова считает, что мемориальные законы — это законы, запрещающие «неправильную» интерпретацию прошлого (Орлова 2017, 74).

Однако в законодательстве конца XX — начала XXI в. известны мемориальные законы, не содержащие никаких запретов и не вводящие ответственности за выражение иной точки зрения. Яркий пример — французский Закон от 21.01.2001 № 2001-70 «О признании геноцида армян 1915 г.», который состоит из одной статьи: «Франция публично признает геноцид армян 1915 г.» (Loi n° 2001-70 du 29 janvier 2001 relative à la reconnaissance du génocide arménien de 1915. *Legifrance. Le service public de la diffusion du droit*. Accessed November 3, 2019. <https://www.legifrance.gouv.fr>). Криминализация отрицания геноцида армян состоялась значительно позже — только в 2006 г. (Dosse 2017, 73).

Наиболее взвешенной выглядит позиция Г. В. Касьянова, согласно которой под мемориальными законами следует понимать нормативно-правовые акты, регулирующие формы и способы использования и репрезентации в публичном пространстве памятных событий прошлого, выступающие частью конструирования национального нарратива памяти со стандартным набором исторических мифов о героях и жертвах, сакральных символах и памятных местах (Касьянов 2016, 28). Подобные явления были характерны и для более ранних эпох, чем XX в. П. Гарсиа отмечает переломную роль Великой французской революции (García 2007), но отсылки к прошлому как обоснование настоящего в юридических документах встречались и ранее.

Если рассмотреть данный вопрос на российском материале, то до XIX в. мемориальная тематика в нормативно-правовых документах использовалась как определенный прием. Например, в Договорной записи от 19.10.1649 между шведским и российским дворами и в ратификационных документах к ней с обеих сторон постоянно шла отсылка к Столбовскому мирному договору 1617 г., положившему конец российско-шведской войне 1610–1617 гг., к тому, о чем договорились отец царя Алексея Михайловича Михаил Федорович Романов и отец шведской королевы Кристины Густав II Адольф, еще и еще раз проговаривались и толковались условия мира, показывалось его значение (Договорная записка, учиненная в Сток-

гольме между дворами шведским и российским от 19(29).10.1649 «О выдаче перебежчиков с обеих сторон, об уплате за перешедших в Россию шведских подданных после Столбовского договора с 125 по 156 годы, и за другие причиненные шведским подданным убытки, 190 тыс. рублей, и о неприеме на будущее время перебежчиков ни которой из договаривающихся сторон». *Полное собрание законов Российской империи. Собрание I*. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. I. № 19).

В XVIII в., особенно в эпоху дворцовых переворотов, обращение к прошлому иногда становилось одним из векторов политики в правовой сфере. Например, императрица Елизавета Петровна не только стремилась формально полностью воспроизвести петровскую систему государственных органов, но и сделала правилом постоянные отсылки к законодательству Петра I в нормативно-правовых актах разного уровня. Так, в Сенатском указе от 14.01.1744 «О бытии иностранным купцам, кроме английских, по судным делам в ведомстве Главного магистрата, а английским в ведомстве Коммерц-коллегии» (*Полное собрание законов Российской империи. Собрание I*. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XII. № 8854) содержалось прямое указание на петровский опыт.

С XIX в. в России появились указы, посвященные историческим датам, в частности нормативно-правовые акты, на основании которых запечатлевалась память о важнейших событиях. К ним относились прежде всего воинские победы: например, 26 августа 1837 г., в день 25-летия Бородинского сражения, Николай I подписал Высочайший указ, в котором содержалось повеление Департаменту уделов приобрести в дар наследнику цесаревичу село Бородино (Горбунов 2012), в результате чего уже через два года на Бородинском поле был открыт памятник, и тогда же специальный указ определил строительство дома-сторожки для инвалидов, которые ухаживали за памятником (Горбунов 2012). Отмечались даты восшествия императоров на престол: как известно, Александр II издал Манифест об отмене крепостного права (Манифест от 19.02.1861 «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей»). *Полное собрание законов Российской империи. Собрание II*. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1863. Т. XXXVI. Отделение I. № 36650) в шестую годовщину своей коронации. Читалась память о проведенных реформах: указом от 10.11.1914 Николай II утвердил знак «В память 50-летия Судебных Уставов» (Насонов 2014).

Таким образом, можно предложить следующее определение: мемориальные законы — это вид законов, которые регулируют общественные отношения, складывающиеся в процессе сохранения или преодоления памяти о конкретных исторических событиях, формируют позитивное или негативное отношение к ним и содержат диспозитивные или императивные нормы относительно возможности трактовки фактов и явлений прошлого.

2. Основное исследование

В конце XX — начале XXI в. в силу множества причин произошла актуализация мемориальных законов.

XX столетие стало периодом небывалых социальных потрясений. Две мировые войны, унесшие жизни около 100 млн чел., гражданские войны в ряде стран (Россия, Испания, Китай, Мексика, Парагвай и т. д.), распад колониальной системы и обретение независимости огромным количеством стран, которые никогда не имели государственного суверенитета, неоднократное изменение государственных границ, формирование национальных идентичностей многих народов и многие другие причины сделали прошлое травматичным, болезненным, тяжело переживаемым, поэтому возникло желание расставить все точки над «i», различными, в том числе правовыми, средствами выработать некоторые «стандарты памяти».

Этот процесс усугубился наметившимся междоцивилизационным противостоянием (Аникин 2015). Если на протяжении многих веков локомотивом цивилизации являлась Европа, то в начале XXI в. оказалось, что большое число стран недовольны этим, формируется новая система миропорядка, где важнейшими субъектами становятся регионы или страны, которые ранее не претендовали на мировое лидерство или какую-то особую роль. Естественно, данный процесс сопровождается обращением к истории, поиском «правых и виноватых».

Переосмыслению исторических событий способствует и существующая международно-правовая система, сложившаяся после 1945 г. С одной стороны, она не раз доказала свою эффективность, так как при всех сложностях смогла сдерживать скатывание к новой мировой войне. С другой стороны, сохраняющиеся преимущества стран — победительниц во Второй мировой войне, хотя бы через статус постоянных членов Совета Безопасности ООН, остаются камнем преткновения для государств, которые считают, что данная система не отражает современный расклад сил в мире. Именно поэтому начался «конфликт интерпретаций прошлого» (Матусевич 2015).

Особое значение имеет и то, что мировое сообщество не смогло в полной мере реализовать один из принципов международного права — принцип нерушимости государственных границ. Распад Советского Союза в 1991 г., Югославии — в 1992 г. с дальнейшим дроблением государств (отделение Косово от Сербии в 2008 г.), Чехословакии — в 1993 г. сделали карту Европы и Азии более дробной, многие народы, не имевшие никогда ранее самостоятельности, стали строить свою государственность и постепенно обретать национальную идентичность. А поскольку один из самых простых способов создания общности — объединение против общего врага, то активизировался его поиск, в том числе в прошлом, распространилось оправдание неудач историческими причинами внешнего воздействия, начался всплеск принятия мемориальных законов, которые стали одним из инструментов легитимации власти.

Активизацию законодательства о памяти в «старых» государствах исследователи также связывают с внешнеполитическими процессами — глобализацией и ослаблением государственного суверенитета, созданием при развитии европейской интеграции новых политических субъектов, в рамках которых такое законодательство служит определенным компенсаторным механизмом (Luna 2011). В результате его применения появляется возможность обосновать притязания традиционных центров власти. Некоторые европейские специалисты подчеркивают и внутривнутриполитические причины использования мемориальных законов как инструмента легитимации власти: привычные источники легитимации в новых

условиях утрачивают актуальность (Burdziej 2016), что объясняется прежде всего процессами демократизации (Dannreuther 1999).

Актуализация мемориальных законов сделала их предметом научного осмысления, которое ведется в разных странах, причем представители европейской науки приходят к противоречивым выводам. Так, многие французские ученые рассматривают мемориальные законы в первую очередь как блокирующие развитие исторического знания, посягающие на свободу научного творчества (Golsan 2011). Есть приверженцы данного подхода и среди представителей немецкой науки (Flaig 2016). Ряд других исследователей, напротив, убежденно отстаивают необходимость мемориального законодательства (Campbell 2012).

Достаточно сложное отношение к мемориальным законам у исследователей из стран, которые ранее входили в социалистический лагерь. С одной стороны, пережив резкую смену идеологических установок, они отмечают, что историческая наука всегда служила легитимации власти. С другой стороны, признают, что коллективная память — это «контрстория», но государство с помощью мемориальных законов заставляет коллективную память служить легитимации власти. На современном этапе главной проблемой считается создание общей памяти для Восточной и Западной Европы при расширении Европейского союза (Nowak 2015).

Серьезные исследования в этой сфере ведутся в Беларуси. Особое место занимают работы О. А. Матусевич, в которых показываются различные манипуляции массовыми представлениями о прошлом, происходящие в странах постсоветского пространства (Матусевич 2014; 2015).

Фундаментальное изучение мемориальных законов осуществляют и украинские ученые. Так, Г. В. Касьянов, представляющий Институт истории Украины Национальной академии наук Украины, достаточно подробно разбирает серию мемориальных законов данной страны, начиная с Закона 2000 г. «Об увековечении Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», действовавшего в течение 15 лет и сменившегося в 2015 г. новым законом, в котором формулировка «Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» заменена словами «Победа над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 гг.» (Закон України від 09.04.2015 № 315-19 «Про увічнення Перемоги над нацизмом у Другій світовій війні 1939–1945 років»; здесь и далее ссылки на украинское законодательство даются по официальному веб-порталу «Рада України». Дата обращения 3 сентября, 2019. <http://zakon5.rada.gov.ua>), и заканчивая Законом 2006 г. «О голодоморе 1932–1933 годов на Украине» (Закон України від 28.11.2006 № 376-V «Про Голодомор 1932–1933 років в Україні») и мемориальными законами 2015 г. «О правовом статусе и чествовании памяти борцов за независимость Украины в XX столетии», «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов на Украине и запрещении пропаганды их символики» и т. д. (Закон України від 09.04.2015 № 314-19 «Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у XX столітті»; Закон України від 09.04.2015 № 317-VIII «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки»). Автор делает вывод, что украинские мемориальные законы можно истолковывать как результат желания правящего класса следовать европейским практикам, однако в условиях отсутствия традиции плюрализма это ведет к диктату бюрократии и победе

единственно «правильного» представления о прошлом, что не вполне соответствует ценностям современного общества (Касьянов 2016, 48).

Говоря о российских исследованиях мемориальных законов, отметим работы Н. Е. Копосова. В 2011 г. вышла в свет его книга «Память строгого режима: история и политика в России», с которой началось изучение таких вопросов, как коллективная память, официальная политика памяти, законы, определяющие отношение к событиям прошлого, их классификация и т. д. (Копосов 2011).

Российские исследователи отмечают, что мемориальные законы не только устанавливают юридическую ответственность за мнения об определенных исторических фактах, которые не соответствуют официальной точке зрения, но и декларируют важность определенного исторического события. Так, в 2009 г. был издан Указ Президента РФ от 11.01.2009 № 46 «О праздновании 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства» (здесь и далее все ссылки на российские нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 3 августа, 2019. <http://www.consultant.ru>) (см., напр.: Арсентьев 2010).

Типологии мемориальных законов могут быть различными в зависимости от того, какой критерий положен в основу:

- 1) по субъекту права законодательной инициативы:
 - принятые государством в лице государственных органов;
 - принятые международными организациями, как правило, интеграционного характера;
- 2) по характеру закрепляемых норм:
 - декларативные, определяющие отношение к тому или иному историческому событию и делящиеся на два подвида: предполагающие последующее установление конкретных прав и обязанностей субъектов правоотношений; лишь констатирующие оценку исторического события;
 - устанавливающие новые права и обязанности, причем как позитивные обязанности (подъем флага) и права (получение пенсии), так и негативные (запрет на определенные действия и высказывания); за нарушение установленных норм может вводиться ответственность вплоть до уголовной.

Мемориальные законы на современном этапе используются как инструмент легитимации власти в следующих случаях.

Во-первых, когда в результате распада государств разрушается старое интеграционное пространство. На примере бывших республик Советского Союза можно увидеть, как через принятие мемориальных законов формировалась новая интерпретация национальной истории. Так, в Грузии, Эстонии, Латвии и Литве в актах о восстановлении независимости в отношении недавнего прошлого был закреплен термин «советская оккупация», а в указе Президента Азербайджанской Республики Г. Алиева от 26.03.1998 — «геноцид азербайджанцев» (Орлова 2017, 74). Очевидно, что подобные законы могут разрушать веками сложившиеся связи между народами, но облегчают легитимацию новой власти, которая как бы способствует преодолению таких страшных явлений.

Во-вторых, такие законы принимаются при построении нового единого политического, экономического, культурного пространства, которому могут мешать со-

бытия прошлого. Доказательством данного тезиса выступает активность Европейского союза. В качестве примера можно рассмотреть последний документ, касающийся мемориальных вопросов, — Резолюцию 2019/2819(RSP) «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» (European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)). Accessed November 3, 2019. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html), посвященную 80-летию начала Второй мировой войны. За нее 19.09.2019 проголосовали 535 депутата Европейского парламента, против — 66, воздержались при голосовании — 52. В Резолюции отмечается, что преступления нацизма были осуждены Международным военным трибуналом (Нюрнбергским трибуналом), а преступления сталинизма — нет. Депутаты выразили обеспокоенность, что современное российское руководство скрывает факты преступлений, совершенных при советском тоталитарном режиме. Резолюция содержит призыв к государствам путем принятия национальных законов поддержать положения, принятые Европарламентом, что, в свою очередь, может породить новую волну мемориальных законов в странах ЕС. России же рекомендуется переосмыслить свое советское прошлое. В принципе, данная Резолюция не содержит новых идей, так как уравнивание коммунизма и нацизма происходило в различных документах Европейского парламента в 2008 г., Организации безопасности и сотрудничества в Европе в 2009 г. и т. д. Новый виток связан с двумя причинами:

- со стремлением сделать прошлое объединительным началом для Европы, поэтому задействован такой давно известный прием, как обнаружение общего «врага», в данном случае — в лице сталинизма;
- с неодинаковым отношением народов стран — членом Евросоюза к событиям Второй мировой войны и роли Красной армии в разгроме нацизма; например, в Польше президент страны подписал поправки от 21.07.2017 к закону о запрете пропаганды коммунизма или иного тоталитарного строя; советское мемориальное наследие попало под действие данного закона (Ужанов 2017, 108), несмотря на то что ст. 17.1 Договора между Российской Федерацией и Республикой Польша о дружественном и добрососедском сотрудничестве от 22.05.1992 предусматривала сохранение военных кладбищ, захоронений и иных мемориальных мест, связанных с событиями Второй мировой войны. Однако есть и другие примеры. В частности, в Словении был открыт памятник сынам России и СССР, погибшим на словенской земле в годы Первой и Второй мировых войн (Eurasia Daily 2018). Кроме того, в странах Европейского союза нет единства и по вопросу о том, нужны ли вообще мемориальные законы. В частности, их нет в странах, которые откровенно сочувствовали нацизму и были союзниками нацистской Германии (Италия, Финляндия).

Таким образом, через принятие резолюций международных интеграционных организаций, а впоследствии национальных законов происходит легитимация общеевропейской власти.

В-третьих, мемориальные законы принимаются из-за слабости государственной власти, которая стремится оправдаться за счет событий прошлого. Например, понимая уязвимость Закона «О голодоморе 1932–1933 годов на Украине», так как

голод в это время был в различных частях Советского Союза и голодали представители разных народов, в марте 2007 г. президент Украины внес поправку в предложенный им ранее законопроект, предложив ввести уголовную ответственность за отрицание геноцида украинского народа (голодомор 1932–1933 гг.) и геноцида еврейского народа (Холокоста) (Касьянов 2016, 34–35), т.е. произошло смешение и переплетение таких понятий, как «голодомор» и «холокост». Таким образом власть пыталась укрепить свои позиции и оправдаться за неудачную экономическую политику.

В-четвертых, осуществляются попытки легитимации власти в условиях раскола общества. Так, события, связанные с подготовкой и проведением 1 октября 2017 г. властями Каталонии референдума о независимости, на котором при явке 43,03 % за независимость проголосовало более 90 % (Прутцков 2018, 121), вызвали всплеск национальной самоидентификации по всей стране и даже за ее пределами. Еще в мае того же года правительство страны издало Декрет об эксгумации останков бывшего диктатора Франсиско Франко и их перезахоронении из мавзолея в Долине павших в другое место, определенное его потомками. Основная идея состояла в том, чтобы превратить мавзолей Франко в место памяти и примирения после кровопролитной гражданской войны в 1930-х гг. В сентябре 2018 г. 172 голосами «за» при 164 воздержавшихся и 2 «против» декрет правительства был одобрен парламентом Испании (ИА REGNUM 2018). Таким образом, обращение к историческим событиям стало реакцией на центробежные явления в современном испанском обществе, а перезахоронение Франко в октябре 2019 г. должно стать символом преодоления поляризации различных общественных сил и послужить началом преодоления раскола общества.

В-пятых, мемориальные законы принимаются, если страна в силу определенных причин (изменение формы правления, формы государственно-территориального устройства, государственных границ, политического режима и т.д.) переходит к новому этапу развития государственности. Так произошло с Российской Федерацией. После распада Советского Союза в декабре 1991 г. было необходимо построить новую федерацию, сохранив республиканскую форму правления. Мемориальное законодательство стало одним из инструментов, с помощью которых российская власть легитимировала себя в глазах общества.

Принимаемые мемориальные законы касались в основном преодоления некоторых негативных черт советского прошлого. Условно их развитие в Российской Федерации можно разделить на два этапа: 1990-е гг. и начало XXI в.

В 1990-е гг. в рамках первого этапа в основном происходила критика советского периода российской истории. Традиционной для нормативно-правовых актов того времени стала формулировка «в целях восстановления исторической справедливости».

Главными направлениями мемориальной правовой политики того периода стали: дальнейшая работа по реабилитации жертв политических репрессий, которая активно началась еще во второй половине 1980-х гг.; разработка принципов новой конфессиональной политики, основанной на партнерских отношениях государства с представителями разных религиозных организаций; правовая оценка расстрела царской семьи летом 1918 г.

Для построения новой российской государственности очень важными оказались переживание и преодоление трагедии, пережитой страной и ее народом в период революционных событий 1917 г. и братоубийственной Гражданской войны, причем реабилитация рассматривалась не как проект, обращенный в прошлое, а как конструирование будущего (Фартусов 2017, 3). Лишь в 1990-е гг. стало приходить понимание, что политические репрессии — это не только драматические события 1937–1938 гг., но и преследования по политическим мотивам начиная с 1920-х гг.

Важной вехой в развитии мемориального законодательства России стал Закон РФ от 18.10.1991 № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», направленный на реабилитацию всех жертв политических репрессий с 25 октября 1917 г., на восстановление их гражданских прав и компенсацию материального ущерба. Жертвами политических репрессий были признаны не только те, к кому были применены разные меры принуждения, но и их несовершеннолетние дети. Об огромной проведенной работе свидетельствует то, что даже в 2005 г. на рассмотрении находились 234 463 заявления о реабилитации жертв политических репрессий (Петров 2007).

22 мая 1992 г. Верховный Совет РФ принял Постановление № 2822-1 «О событиях в городе Новочеркасске в июне 1962 г.». В результате этих событий были убиты 23 чел., ранены около 90 чел. гражданского населения и 15 военнослужащих; к ответственности привлекли 116 чел. (Абрамова 2016, 343). В Постановлении признавалось, что мирная демонстрация трудящихся, не имевшая политической подоплеки и проведенная в связи с требованием улучшения только социально-экономического положения жителей города, в июне 1962 г. была жестоко подавлена с помощью армии по приказу партийно-советских властей Новочеркаска.

В январе 1994 г. был отменен п. 1 Постановления Совета труда и обороны от 02.03.1921 (без номера), который объявил участников кронштадтских событий весной 1921 г. вне закона, и признаны незаконными репрессии в отношении матросов, солдат и рабочих Кронштадта, которых обвинили в вооруженном мятеже (Указ Президента РФ от 10.01.1994 № 65 «О событиях в г. Кронштадте весной 1921 года»).

Следующий шаг связан с реабилитацией тех, кто подвергся репрессиям в результате попадания в плен или репатриации в годы Великой Отечественной войны. В январе 1995 г. Президент РФ издал соответствующий Указ (Указ Президента РФ от 24.01.1995 № 63 «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период»).

В марте 1996 г. появился Указ о реабилитации священнослужителей и верующих, которые подверглись террору со стороны советской власти (Указ Президента РФ от 14.03.1996 № 378 «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий»).

Через три месяца Указом Президента РФ от 18.06.1996 № 931 «О крестьянских восстаниях 1918–1922 годов» были признаны и осуждены политические репрессии в отношении участников этих восстаний. Одним из важнейших пунктов была реабилитация детей, подвергшихся репрессиям за участие их родителей в восстаниях.

Осенью того же года издано Постановление Правительства РФ от 10.10.1996 № 1247 «О создании мемориальных комплексов в местах захоронений советских

и польских граждан — жертв тоталитарных репрессий в Катыни (Смоленская область) и Медном (Тверская область)».

Таким образом, в 1990-е гг. была проведена огромная работа по преодолению преступлений сталинизма в отношении советского народа и народов других стран, о которых на современном этапе говорится в упомянутой выше Резолюции 2019/2819(RSP), принятой Европейским парламентом.

Еще одно направление правовой мемориальной политики Российской Федерации в 1990-е гг. — разработка новых принципов государственно-конфессиональных отношений. Главным мемориальным вопросом стало возвращение религиозным организациям имущества религиозного назначения, которое было изъято в пользу государства в годы советской власти.

Первые безвозмездный принцип передачи такого имущества конфессиям был закреплен в Постановлении Совета Министров СССР от 29.12.1990 № 1372 «О порядке передачи религиозным организациям в собственность культовых зданий, сооружений и другого имущества культового назначения, находящегося в собственности государства».

Затем Распоряжением Президента РФ от 23.04.1993 № 281-рп «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества» была определена поэтапность передачи в собственность или пользование религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной собственности.

В марте 1995 г. определен порядок передачи религиозным объединениям относящегося к федеральной собственности имущества религиозного назначения (Постановление Правительства РФ от 14.03.1995 № 248).

Обобщением накопленного опыта стал Федеральный закон от 30.11.2010 № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности».

Знаковым событием оказалась канонизация 20 августа 2000 г. Николая II и членов его семьи Русской православной церковью (Русская православная церковь за рубежом причислила их к лику святых в 1981 г.). Важно, что проведенное в предыдущий период (1998 г.) захоронение останков членов императорской семьи так и не приобрело необходимого легитимирующего современную политику значения (Интерфакс. Религия 2018).

В XXI в. мемориальная тематика стала развиваться в новых направлениях.

Подчеркивается связь проводимых в Российской Федерации реформ с «великими реформами» Александра II. Например, установление Дня юриста 3 декабря (Указ Президента РФ от 04.02.2008 № 130) даже при несовпадающей дате в общественном мнении связывается с принятием 20 ноября 1864 г. Судебных уставов и началом Судебной реформы как одной из самых успешных и результативных реформ за всю историю России. Ориентация на дореволюционные образцы реформированных судов ощущалась и ощущается на всех этапах проведения современной судебной реформы.

Россия продолжает противостоять, в том числе правовым путем, пересмотру результатов Второй мировой войны. В 2014 г. в Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ была введена ст. 354.1, запрещающая «реабилитацию нацизма».

Несмотря на видимые достижения в области распространения мемориального законодательства, данному процессу препятствует современное состояние

исторической науки и отношение к ней общества. Если на протяжении долгих веков история была делом узкого круга профессионалов, то в XX в. в силу развития технических средств, возможностей передачи мемуарных сведений, участия огромного количества людей в событиях планетарного масштаба произошла так называемая демократизация истории. Когда официальная политика памяти вступает в противоречие с коллективной памятью, становится возможным развитие новых конфликтов и потрясений. По справедливому замечанию М. В. Залоило и Д. А. Пашенцева, конструирование правопорядка в современном мире — сложная деятельность, которую осуществляет как государство в контексте реализации определенной правовой политики, так и все субъекты права, своими повседневными действиями воплощающие в реальность предписания правовых норм (Залоило, Пашенцев 2019). Отказ выполнять норму, считать ее правовой тоже является характеристикой мемориального законодательства настоящего времени в целом ряде стран и свидетельствует о том, что исторический материал был неудачно использован властью для своей легитимации. Так, в июле 2019 г. в Харькове был восстановлен монумент Г. К. Жукову (Lenta.ru 2019), снесенный ранее согласно упомянутому выше закону о декоммунизации.

Власть пытается использовать для своей легитимации науку и ее достижения. Как известно, понятия «геноцид», «преступления против человечности» изначально были разработаны учеными. Первое — Рафаэлем Лемкиным, который еще в 1920-е гг., будучи студентом Львовского университета, стал изучать массовое уничтожение армян в годы Первой мировой войны. Второе — Гершем Лаутерпахтом, учившимся в том же высшем учебном заведении в 1915–1919 гг. (Требст 2013, 104). События Второй мировой войны заставили их не только активизировать свою деятельность, но и начать самую настоящую борьбу за осуждение главных нацистских преступников на Нюрнбергском трибунале 1945–1946 гг. и за принятие Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, что и было сделано 9 декабря 1948 г. (Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1948. *Официальный сайт Организации Объединенных Наций*. Дата обращения 28 сентября, 2019. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml). В 1998 г. преступление геноцида получило новую разработку и закрепление в Статуте Международного уголовного суда как международное преступление.

Современные политические элиты стали использовать эти достижения. Так, во Франции принят Закон Гейссо от 13.07.1990, установивший запрет на любые расистские, антисемитские или ксенофобские действия, под которые среди прочего подпали отрицание Холокоста и пересмотр решений Международного военного трибунала в Нюрнберге в 1945–1946 гг. За публичные высказывания, нарушающие закон, была установлена уголовная ответственность. Вслед за этим подобные законы приняты в Австрии, Германии, Бельгии, Израиле и других странах.

В результате ученых, занимающихся вопросами истории Холокоста, начали привлекать к уголовной ответственности, если их исследования содержали какие-то новые факты или суждения, не отвечающие официальной позиции. Например, британский историк Д. Ирвинг был приговорен австрийским судом к трем годам лишения свободы в 2006 г. Таким образом, государство, используя исторический

материал, взяло на себя роль арбитра в научных исследованиях, что, как известно, негативно сказывается на состоянии и развитии науки.

3. Выводы

Проведенный анализ показывает, что на разных этапах истории власть использовала мемориальную тематику для своей легитимации. Однако если до конца XX в. об этом можно говорить скорее как о приеме юридической техники, то с 1990-х гг. мемориальные законы стали инструментом, с помощью которого власть определяет цели и задачи проводимой политики, намечает союзников и противников, пытается призвать к ответу других акторов.

Обобщая рассмотренные обстоятельства и цели создания мемориальных законов, можно сказать, что их принятие происходит в двух случаях: власть либо пытается защитить и оградить от внешних посягательств базовые ценности, являющиеся основой государственности и цементирующим началом для общества, либо при переходе государства на новый этап исторического развития делает историю способом оправдания проводимой политики, временных или постоянных трудностей и т. д.

В конце XX — начале XXI в. существенное влияние на мемориальное законодательство стали оказывать международные организации, прежде всего интеграционного типа, которые используют законы о прошлом и отношении к нему для формирования общего интеллектуального, идеологического и культурного пространства.

Библиография

- Абрамова, Юлия А. 2016. «Армия в роли полицейской силы (к истории новочеркасской трагедии 1962 г.)». *Концептуал. Сборник научных трудов кафедры философии и истории*: 332–344. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия».
- Аникин, Даниил А. 2015. «Мемориальные законы: от философских теорий к юридической практике». *Мир человека: нормативное измерение — 4*: 163–168. Саратов: КУБиК.
- Арсентьев, Николай М. 2010. «Мемориальная (монументальная) история в современном гуманитарном пространстве Республики Мордовия (о тысячелетии единения мордовского народа с народами Российского государства)». *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования* 3 (11): 4–8.
- Горбунов, Александр В. 2012. *Бородинские торжества 1839 и 1912 гг. как образцы празднования исторических юбилеев в Российской империи*. Дата обращения 4 ноября, 2019. http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2012/Gorbunov.pdf.
- Залоило, Максим В., Дмитрий А. Пашенцев, 2019. «Национальный правопорядок России в условиях цифровизации». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право* 10 (2): 196–209. *IA REGNUM*. 2018. «Парламент Испании принял декрет об эксгумации останков Франсиско Франко». Дата обращения 4 ноября, 2019. <https://regnum.ru/news/polit/2481505.html>.
- Интерфакс. Религия. 2018. «За 20 лет пребывания “екатеринбургских останков” в усыпальнице Романовых в Петербурге они не стали объектом паломничества». Дата обращения 19 июля, 2019. <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=70251>.
- Касьянов, Георгий В. 2016. «Историческая политика и “мемориальные” законы в Украине: начало XXI в.»». *Историческая экспертиза* 2: 28–55.
- Копосов, Николай Е. 2011. *Память строгого режима: история и политика в России*. М.: Новое литературное обозрение.

- Матусевич, Ольга А. 2014. «Мемориальное законодательство: генезис и противоречия». *Труды Белорусского государственного технологического университета. История, философия, филология* 5 (169): 116–118.
- Матусевич, Ольга А. 2015. «Конфликт интерпретаций прошлого в современном обществе». *Труды БГТУ. История, философия, филология* 5 (178): 131–135.
- Насонов, Сергей А. 2014. «Знаки Судебной реформы 1864 г.» *Суд присяжных*. Дата обращения 4 ноября, 2019. <http://jurytrial.ru/library/item/822>.
- Орлова, Ирина Б. 2017. «Историческое знание как предмет социологического анализа (феноменологический аспект)». *Социологические исследования* 9 (400): 66–77.
- Петров, Александр Г. 2007. «Реабилитация жертв политических репрессий: историко-правовой анализ». Дис. ... д-ра юрид. наук. Нижегородская академия МВД России. Дата обращения 8 сентября, 2019. www.disserscat.com/content/reabilitatsiya-zhertv-politicheskikh-repressii-istoriko-pravovoi-analiz#ixzz5bwV7GN3k.
- Прутков, Григорий. 2018. «Тенденция к самоопределению малой нации в Европе». *Международные процессы* 16 (3): 113–125.
- Требст, Штефан. 2013. «Лемкин и Лаутерпахт: два юриста из Львова». *Отечественные записки* 6 (57): 103–110.
- Ужанов, Александр Е. 2017. «Сбережение советских памятников как проблема реконструкции победы СССР во Второй мировой войне в парадигме европейской исторической политики». *Право и управление. XXI век* 4 (45): 103–115.
- Фартусов, Дмитрий Б. 2017. «Государственная политика по увековечению памяти жертв политических репрессий в Бурятии (1920–2010-е гг.): к постановке проблемы». *Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии* 3: 3–10.
- Burdziej, Stanislaw. 2016. «Legitymizacja władzy a sprawiedliwość proceduralna *Studia Socjologiczne*». *Studia Socjologiczne* 4 (223): 167–199.
- Campbell, Kirsten. 2012. «The Laws of Memory: The ICTY, the Archive, and Transitional Justice». *Social & Legal Studies* 22 (2): 247–269.
- Dannreuther, Charlie. 1999. «Discrete dialogues and the legitimation of EU SME policy». *Journal of European Public Policy* 6 (3): 436–455.
- Dosse, Francois. 2017. «L'histoire entre la guerre des mémoires et la Justice». *Etudes Ricoeuriennes-Ricoeur Studies* 8 (1): 67–82.
- Eurasia Daily. 2018. «В Словении все чаще вспоминают о Югославии и возрождают культ Тито». Дата обращения 4 ноября, 2019. <https://eadaily.com/ru/news/2018/09/13/v-slovenii-vso-chashche-vspominayut-o-yugoslavii-i-vozhrozhdayut-kult-tito>.
- Flaig, Egon. 2016. «Memorialgesetze und historisches Unrecht. Wie Gedächtnispolitik die historische Wissenschaft bedroht?». *Historische Zeitschrift* 302 (2): 297–339.
- Garcia, Patrick. 2007. «Paul Ricœur et la guerre des mémoires». *Paul Ricœur et les sciences humaines*, 57–76. Paris: La Découverte.
- Golsan, Richard J. 2011. «French memory and the wages of guilt». *European Journal of Political Theory* 10 (4): 490–500.
- Lenta.ru. 2019. «В Харькове восстановили памятник Жукову». Дата обращения 4 ноября, 2019. <https://lenta.ru/news/2019/07/11/zhukov>.
- Luna, Giovanni. 2011. «La repubblica del dolore». *Passato e Presente* 29 (82): 5–19.
- Nowak, Andrzej. 2015. «Political correctness and memories constructed for 'Eastern Europe'». *Memory and Change in Europe: Eastern Perspectives*, 38–56. Warsaw: Berghahn Books.

Статья поступила в редакцию 4 августа 2019 г.,
рекомендована в печать 15 ноября 2019 г.

Контактная информация:

Дорская Александра Андреевна — д-р юрид. наук, проф.; adorskaya@yandex.ru
Дорский Андрей Юрьевич — д-р филос. наук, проф.; a.dorsky@spbu.ru

Memorial laws as a instrument for the legitimization of power

A. A. Dorskaia¹, A. Yu. Dorskii²

¹ Russian State University of Justice, North-West Branch,
5, Alexandrovsky park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation

² St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Dorskaia, Aleksandra A., Andrei Yu. Dorskii. 2020. “Memorial laws as a instrument for the legitimization of power”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 1: 223–238.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.116>

The use of memorial topics in the normative and legal acts of different epochs since the 17th century and the allocation of memorial laws as a specific type of laws in the late 20th century is illustrated in the article. The author’s definition of memorial laws is provided as a special type of laws that regulate social relations which have been developing in the process of preservation or overcoming memory of specific historical events, they form positive or negative attitude towards these events and contain dispositive or mandatory norms regarding the possibility of interpreting facts and phenomena of the past. The reasons for updating the memorial legislation since the 1990s are revealed, such as the memory of two world wars, the collapse of a number of states, the emergence of an intercivilizational confrontation, and the existing post-war system of world order, which currently does not suit a number of countries. A typology of memorial laws according to the legal entity of legislative initiative and on the character of the norms being established is provided in the article. Both types and subtypes of memorial laws are shown. The article contains an overview and description of Russian and foreign studies devoted to the development of memorial legislation and its evaluation. Special attention to the analysis of scientific research in the countries of the post-Soviet space is provided. Various possibilities for using memorial laws as a tool to legitimize power are considered: the destruction of the old integration space with the collapse of states; building a new unified political, economic and cultural space which can be hampered by the events of the past; the weakness of state authority, which seeks to be justified by the events of the past; national movements, etc.

Keywords: memorial laws, historical events, social shocks, collective memory, world legal order, international organizations, rules law.

References

- Abramova, Iuliia A. 2016. “The army as a police force (to the history of the Novocherkassk tragedy of 1962)”. *Kontseptual. Sbornik nauchnykh trudov kafedry filosofii i istorii*: 332–344. Moscow, Moskovskii finansovo-promyshlennyy universitet “Sinergiia” Publ. (In Russian)
- Anikin, Daniil A. 2015. “Memorial laws: from philosophical theories to legal practice”. *Mir cheloveka: normativnoe izmerenie* — 4: 163–168. Saratov, KUBiK Publ. (In Russian)
- Arsentev, Nikolai M. 2010. “Memorial (monumental) history in the modern humanitarian space of the Republic of Mordovia (on the Millennium of unity of the Mordovian people with the peoples of the Russian state)”. *Gumanitarii: aktual’nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* 3 (11): 4–8. (In Russian)
- Burdziej, Stanislaw. 2016. “Legitymizacja wladzy a sprawiedliwosc proceduralna *Studia Socjologiczne*”. *Studia Socjologiczne* 4 (223): 167–199.
- Campbell, Kirsten. 2012. “The Laws of Memory: The ICTY, the Archive, and Transitional Justice”. *Social & Legal Studies* 22 (2): 247–269.
- Dannreuther, Charlie. 1999. “Discrete dialogues and the legitimation of EU SME policy”. *Journal of European Public Policy* 6 (3): 436–455.

- Dosse, Francois. 2017. "L'histoire entre la guerre des mémoires et la Justice". *Etudes Ricoeuriennes-Ricoeur Studies* 8 (1): 67–82.
- Eurasia Daily. 2016. "In Slovenia, increasingly remember Yugoslavia and revive the cult of Tito. Interview with senior researcher of the Department of history of Slavic peoples during the world wars Institute of Slavic studies RAN, candidate of historical Sciences Nadezhda Pilko". Accessed November 4, 2019. <https://eadaily.com/ru/news/2018/09/13/v-slovenii-vsyo-chashche-vspominayut-o-yugoslavii-i-vozhdayut-kult-tito>. (In Russian)
- Fartusov, Dmitrii B. 2017. "State policy to perpetuate the memory of victims of political repression in Buryatia (1920–2010-ies): to the problem". *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniia Vnutrennei Azii* 3: 3–10. (In Russian)
- Flaig, Egon. 2016. "Memorialgesetze und historisches Unrecht. Wie Gedächtnispolitik die historische Wissenschaft bedroht". *Historische Zeitschrift* 302 (2): 297–339.
- Garcia, Patrick. 2007. "Paul Ricœur et la guerre des mémoires". *Paul Ricœur et les sciences humaines*, 57–76. Paris, La Découverte.
- Golsan, Richard J. 2011. "French memory and the wages of guilt". *European Journal of Political Theory* 10 (4): 490–500.
- Gorbunov, Aleksandr V. 2012. *Borodino celebrations of 1839 and 1912 as examples of celebrating historical anniversaries in the Russian Empire*. Accessed November 4, 2019. http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2012/Gorbunov.pdf. (In Russian)
- IA REGNUM. 2018. "The Spanish Parliament passed a decree on the exhumation of the remains of Francisco Franco". *IA REGNUM*. Accessed November 4, 2019. <https://regnum.ru/news/polit/2481505.html>. (In Russian)
- Interfaks. Religii. 2018. "For 20 years of stay of 'Yekaterinburg remains' in a tomb of Romanovs in St. Petersburg they did not become object of pilgrimage". Accessed July 19, 2019. <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=70251>. (In Russian)
- Kas'ianov, Georgii V. 2016. "Historical policy and 'memorial' laws in Ukraine: the beginning of the XXI century". *Istoricheskaia ekspertiza* 2: 28–55. (In Russian)
- Koposov, Nikolai E. 2011. *Memory of the strict regime: history and politics in Russia*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
- Lenta.ru. 2019. "The monument to Zhukov was restored in Kharkov". Accessed November 4, 2019. <https://lenta.ru/news/2019/07/11/zhukov/>. (In Russian)
- Luna, Giovanni. 2011. "La repubblica del dolore". *Passato e Presente* 29 (82): 5–19.
- Matusevich, Ol'ga A. 2014. "Conflict of interpretations of the past in modern society". *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Istorii, filosofii, filologii* 5 (169): 116–118. (In Russian)
- Matusevich, Ol'ga A. 2015. "Conflict of interpretations of the past in modern society". *Trudy BGTU. Istorii, filosofii, filologii* 5 (178): 131–135. (In Russian)
- Nasonov, Sergei A. 2014. "Signs of Judicial reform 1864. Trial by jury". *Sud prisiazhnykh*. Accessed November 4, 2019. <http://jurytrial.ru/library/item/822>. (In Russian)
- Nowak, Andrzej. 2015. "Political correctness and memories constructed for 'Eastern Europe'". *Memory and Change in Europe: Eastern Perspectives*, 38–56. Warsaw, Berghahn Books.
- Orlova, Irina B. 2017. "Historical knowledge as a subject of sociological analysis (phenomenological aspect)". *Sotsiologicheskie issledovaniia* 9 (400): 66–77. (In Russian)
- Petrov, Aleksandr G. 2007. "Rehabilitation of victims of political repression: historical and legal analysis". Dr. Sci. in Law diss., Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii. Accessed September 8, 2019. www.disserscat.com/content/reabilitatsiya-zhertv-politicheskikh-repressii-istoriko-pravovoi-analiz#ixzz5bwB7GH3k. (In Russian)
- Pruttskov, Grigorii. 2018. "The trend towards self-determination of a small nation in Europe". *Mezhdunarodnye protsessy* 16 (3): 113–125. (In Russian)
- Troebst, Stefan. 2013. "Lemkin and Lauterpacht: two lawyers from Lviv". *Otechestvennye zapiski* 6 (57): 103–110. (In Russian)
- Uzhanov, Aleksandr E. 2017. "Preservation of Soviet monuments as a problem of reconstruction of the victory of the USSR in world war II in the paradigm of European historical policy". *Pravo i upravlenie. XXI vek* 4 (45): 103–115. (In Russian)

Zaloilo, Maksim V., Dmitrii A. Pashentsev. 2019. "National law and order of Russia in the conditions of digitalization". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Pravo* 10 (2): 196–209. (In Russian)

Received: August 4, 2019
Accepted: November 15, 2019

Authors' information:

Aleksandra A. Dorskaya — Dr. Sci. in Law, Professor; adorskaya@yandex.ru

Andrei Yu. Dorskii — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; a.dorsky@spbu.ru